

Казакуца Игорь

Линза

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Казакуца

Линза. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43438815

SelfPub; 2019

Аннотация

Ряд историй, которые происходят с героями в разных городах мира. 13 мест, 13 историй. Через «линзу» города автор постарался показать обыденность под другим углом, не забывая о том, что каждый из нас видит мир сквозь призму собственного понимания, используя увеличительное стекло взглядов, заблуждений, клише, предрассудков, особенностей образования и воспитания. Так и получается неповторимый и удивительный, цветной и черно-белый, немного безумный, но такой захватывающий мир. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Посвящается Иде	4
Ронда. Мадрид	15
Паб. Антверпен	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Посвящается Иде

От автора

Однажды я ехал по заснеженной дороге из Одессы в Николаев на такси. Хлопья крупного, как мой музыкальный талант, снега падали на лобовое стекло и не оставляли нам никакого шанса добраться в город засветло. Тогда таксист завел старинную песню о том, что зря он подобрал мой заказ, теперь он точно не найдёт пассажира на обратную дорогу, и тому подобное. «Вот сейчас снег как пойдёт, и трасса встанет. Опять ночевать в Николаеве или ехать пустым. Дернул же меня чёрт вас взять...»

Чтобы прервать его страдания и запустить в эфир что-нибудь приятное, я предложил спеть традиционные ирландские джиги в стиле блюз. Он отказался и включил по радио аудиоверсию выступления 95-го квартала в Житомире. Тут уж взмолился я.

Чтобы прийти к консенсусу и реализовать принцип win-win, я предложил ему такой вариант: я буду рассказывать ему истории до самого Николаева, и если они ему понравятся, то он не будет меня перебивать. Примерно такие же договоры я заключаю ежедневно с собственной женой, так что опыта мне не занимать.

В этой книге (да, такая маленькая, а уже книга) вы про-

читаете о двенадцати приключениях и фантазиях, которые тогда вошли в сборник «Удиви таксиста». Часть из них вымышленные, а часть – придуманные. Но всё это правда. А для пушей достоверности в свидетели историй призваны города, старые как мир и мудрые как мой дедушка.

В каждой из этих историй сокрыта большая тайна и множество ошибок поменьше. Кто найдёт их, может написать мне по известному адресу, и тогда ему ничего за это не будет.

Как принято уточнять в подобных случаях, «время прочтения около двух часов». Но возможно и меньше, если не пить чай.

P.S. Ясное дело, не ехал я из Одессы в Николаев на такси. Это же денег немалых стоило бы. А я вообще-то скряга.

бог. Берлин

В январе в Берлине хорошо. Снег убирают почти каждый час – по Унтер-ден-Линден проносятся шумные стеклянные машины и разбрасывают снег по тротуарам, а пешеходы маются от безделья, перенося свои тучные тела от бара к бару, от универмагов с сезонными скидками до огромных пивных Bierstube.

Несмотря на это, я не люблю Берлин. Ну, разве только если зайти в пивную с самого утра и не выходить до позднего вечера, чтобы не видеть этого бесконечного веселья и радости. Неясно даже из-за чего она больше – из-за низких цен на одежду или в честь длительных выходных.

Я идеально провёл понедельник. С самого утра, а точнее, с самого раннего для меня времени суток, я направился в Brauhaus Georgbraeu, что прямо на берегу чёртовой Шпрее. Да, цены там кусаются, как сам немецкий язык, но расположение пивной не оставляет мне выбора. Тихий уголок, практически в центре, но далеко от шумной толпы. Там я обычно заказываю вепрево колено; наверное для меня уже освежали не меньше дюжины этих тварей. Иногда удаётся отдохнуть и просто напиться, но чаще всего редактор настойчиво намекает на дедлайн, и тогда приходится писать бесконечные запросы на комментарии в фейсбуке и телеграме, ждать безмозглых пиарщиков и тупоголовых спикеров. Хотя, чего уж, тут на порядок приятней, чем в Одессе, где пиво стоит

всего в 3 раза дешевле, а воду отключают в 20 раз чаще.

Ещё мне понравилось это место из-за близости метро. Если вечером я в состоянии дойти до U-Bhf. Klosterstraße, то буквально через 15 минут я уже на Hausvogteiplatz, где по пути в квартиру меня радушно встречает небольшой Лидл. Там я делаю кассу усталому ночному продавцу, взяв ещё литр-два забродившего пойла.

Как правило, попадание домой стирается из памяти. Странная штука. Я точно знаю, как оттуда выйти, но ещё не разу не попадал туда в трезвом уме. Кроме первого раза – тогда я был почти трезв и жирная 40-летняя хозяйка, кажется Эмма, взяла с меня за 2 месяца вперёд. Это мне ещё повезло, что она не заставила меня подписывать чёртов договор и регистрироваться где-то в государственном ведомстве, которому есть дело до того, где в Германии останавливаются иностранцы. Но речь, к счастью, пойдёт не об Эмме. И даже не обо мне.

В тот вечер я пришёл домой раньше обычного, поскольку забыл отправить редактору комментарий какой-то важной шишки из министерства связи или чего-то подобного. Дедлайн уже был в полной заднице и тянуть было просто невозможно.

– Трезвость делает тебя злым и раздражительным. Попро-

буй не надираться в стельку хоть пару дней, – когда-то сказала мне одна из немногочисленных подружек. – С тобой невозможно разговаривать. Я устала. Мне невыносима сама мысль, что я проведу с тобой ещё день.

– А почему бы тебе не заткнуться, не собрать свои вещички и не съехать в общежитие.

Когда она наконец прекратила истерику и собрала чемоданы, ко мне внезапно пришло вдохновение, и я дописал статью, за которую не брался уже больше месяца. Так я понял, что бросать пить для меня смертельно опасно. Я потеряю и себя, и работу.

С тех пор девушки, которые ко мне приходили, не говорили глупостей. Молча делали, что полагалось, брали деньги и сваливали на все четыре стороны.

Я разумно решил, что сосиски и булка хлеба – уже ужин чемпионов, да и про пиво говорят «жидкий хлеб». Поэтому я развалился на мягком диване, арендованном в мебельной компании, и принялся за работу. Умение вовремя нажать Ctrl+S может сохранить вам миллионы долларов. А мне это сохранение позволило не потерять работу всего вечера. Спустя пару часов я отложил ноутбук и заснул.

Звонок, противный и писклявый, выдернул меня из активной фазы сна. А я в ней как раз изучал особенности телосложения одной официантки из бара «Диалог» возле Цен-

трального стадиона в Николаеве, который лет 12 назад посещал гораздо регулярней, чем университет.

Кого бы это принесло в такой час.

Краем глаза я успел заглянуть в ванную. Вроде соседей не затопил. Чего кому-то не спится.

Звонок не переставал звонить, и я наконец, добрался до двери, попутно включив свет в коридоре. Я с силой нажал на замок, дверь подалась вверх и мягко открылась.

Передо мной стоял мужчина, почему-то мокрый от дождя и снега, хотя вечером не обещали осадки. Его лицо было знакомым, но я не сразу его узнал. Чёртовы немцы настроили лампочку так, что она горела еле-еле. «Во всём важна бережливость», – шептал Лютер на ухо каждому из них.

Гость молчал, но не излучал враждебность.

Тогда я попробовал взболтнуть головой, как делают лошади или собаки после купания. Купание тут, разумеется, было ни при чем, просто я не сразу поверил, кого вижу на своём пороге.

– Борис Борисович?

– Да, очень приятно, когда тебя узнают в чужой стране.

– Проходите, а как Вы...

Он не дал мне закончить фразу:

– Всею своё время, мой друг. Как Вас зовут?

– Андрей.

– Андрей, Вы предложите мне зайти или мы так и будем стоять на пороге и будить уважаемых бюргеров, пока они не

вызовут полицию?

– Конечно нет. Это было бы точно некстати. Проходите, я просто...

– Я понимаю, Вы не ожидали увидеть меня без гитары.

– Да нет. Я Вас вовсе не ожидал увидеть. Я и услышать Вас никогда вживую не ожидал.

– Мы не всегда ожидаем того, чему суждено произойти с нами, верно?

– Это да, конечно.

– Вот Вы, вероятно, сейчас планировали возлюбить ту хуленькую официантку из бара, как его, запомятовал...

– «Диалог».

– Точно, «Диалог». А принять гостя в доме как полагается в русских традициях – не планировали. Найдётся ли у вас что-либо выпить: чай, мате, кофе без кофеина, джин, например.

– У меня только пиво.

– Ну да и Бог с Вами. Пиво так пиво. Только несите сразу, я ненадолго.

Я принес остатки запасов из Лидла и захотел узнать, что за чертовщина тут творится. Но он опять перебил меня.

– Я понимаю, что Вас интересует в данную минуту. Однако, давайте подумаем вместе, что Вас беспокоит безотносительно настоящего времени. Быть может, такое рассуждение принесёт большую пользу и Вам, и мне. Вот Вы, к примеру, много пьете.

– Это Вам Лиза что ли пожаловалась, эта сумасшедшая дура?

– Побойтесь Бога, не знаком я ни с какой Лизой, это и так видно. Кровать неубрана, в комнате пустые бутылки и мусор, сами Вы давно не бриты и чая в квартире нет – налицо все признаки запустения. Я много раз видел, как заканчиваются такие судьбы.

– Сейчас Вы заведете песню о моём образе жизни, который обязательно приведёт к распаду личности и прочей херне? Не стоит. Мне такое говорят с ранней юности.

– Конечно, это мне известно. Да вы и сами ежемесячно, прям в аккурат каждого 20 числа, вспоминаете фразу вашей подруги Екатерины, что эмигрировала в Швецию. Помните, что она сказала?

– Что во мне много жидкости.

– Вот именно, а жидкости с тех пор, надо сказать в Вас прибавилось.

– Вы пришли читать мне морали?

– Зачем?

– А зачем тогда Вы тут?

– Трудно сказать однозначно, скорее всего мы всегда там, где должны быть.

– И где же должен быть я?

– Вероятно, в Одессе, рядом с любимой девушкой.

– Почему Вы решили, что она мне любимая?

– Но ведь Вы думаете о ней? Нет, не тогда, когда засыпа-

ете и вспоминаете официантку, а наяву. В той иллюзорной реальности, которая именуется жизнью. Вы же понимаете, что рано или поздно Ваш импровизированный отпуск от реальности закончится и Вам придётся вернуться. Мне можете не врать, я никому не скажу, даже друзьям.

– Ну конечно, отпуск закончится. Но когда-нибудь, не сейчас. Сейчас мне и тут хорошо. Я сам себе хозяин, делаю что хочу, пишу, когда хочу, пью, когда хочу.

– С этим трудно поспорить. Но этому легко возразить. Вы сами себе надсмотрщик.

– «Сам себе пастух и сам дверь», – это же Ваша фраза.

– Верно, я рад, что Вы правильно её поняли. Это не всем дано.

– Так, по-вашему, я себе пастух?

– А как Вы сами считаете? Если выбирать из двух вариантов – быть себе пастухом или дверью – Вы предпочли бы какой?

– Дверью.

– Так и что Вам мешает?

– Я не могу позволить себе то, что хочу. А раньше, когда был молодым, не хотел себе позволять то, что мог.

– Понимаете, Андрей, мы никогда не насытимся своей свободой, пока не поймём, что поводок только у нас в голове. Вы не задумывались, какова длина Вашего... ?

– Поводка?

– Да, поводка. Вы можете себе позволить то, что хотите?

– Конечно. Я могу жить вволю. Ни в чём себе не отказывать, пить, веселиться, употреблять наркотики.

– А героин пробовали?

– Нет, это стрёмно, и можно умереть.

– Значит Ваш поводок не достаёт до героина?

– Выходит, так.

– А вот мой достаёт

– И Вы употребляете?

– Зачем мне это? Мне достаточно, что я могу.

Он тепло прищурился, провёл левой рукой по редкой бороде. Затем открыл окно и ударил правой ногой о плиточный пол кухни.

– Прощайте, Андрей. Я вдоволь поговорил с Вами.

– Так что же мне делать со своей жизнью?

– Жить.

В следующее мгновение он уже летел по ночному небу Берлина.

Ронда. Мадрид

Трудно рассказать что-то новое о танце.

Когда на сцене двое – их жизнь сжимается до пределов ронды. Их сердца бьются одновременно. Одно подстраивается под другое. Па-бам-па-бам-па-бам-па-бам.

Музыка бьет в висках, рука потеет в руке партнёрши. Она закрывает глаза и видит только темноту. Твоё сердце сливается с её сердцем. И если ты не слышишь музыки – то глух и партнёр. А если она оступилась – то падаешь и ты. Танго танцуют двое. И в этот миг всё вокруг замирает. И ничто не существенно, и ничто не важно. И от твоего прикосновения, объятия, дыхания, движения, замирания и терпения зависит всё. Возможно, в твоих руках само будущее – только услышь такт.

Пам-пам-паам-паам-пааам-пааам-пааам-паааам. И рраз. И ддва. Сжались меха бандонеона. Смычки в верхней позиции. Как удар плетью по коже. И воздух в груди. Дыхание давно на педали тормоза. И вновь по кругу с удвоенной силой. И рраз. И ддва.

И глаза можно тоже закрыть, если вокруг никого. И партнёрша близко, ближе, чем допустимо, ближе, чем нужно для танца. Почти в невесомости. Вся в твоей власти, будто любовница.

Но тут и спрятан секрет танца. Она тебе не любовница и

не жена. Она тебе никто. У неё дома муж и двое детей, и он отпустил её провести вечер с подругами. С бокалом вина. С музыкой танго. Но не с тобой.

Танец заканчивается. Вы отдаляетесь. И пот двух тел, бившихся в ритм, и двух сердец, касавшихся друг друга, становится холодным. И вы смущаетесь, вам немного неловко. Ты благодаришь её взглядом и больше не позовешь никогда.

Мы пришли на милонгу в Мадриде около 10 вечера. Стандартное время для развлечений такого рода. Мадрид ленив, как и положено южной европейской столице. Ленив утром, когда дворники, попивая латте, неспеша передают друг другу сводки бурных выходных. Когда площадь Тирсо де Молина ещё не заполняется шумом голосов со всех концов Испании, и его полноправные хозяева – откормленные сизые голуби. Когда откроют свои лотки цветочницы, а старый бариста Антонио – двери таверны, названной именем площади, голуби улетят. Их труд несложен: знай себе летать над пышным королевским городом да попадаться на глаза тучным американским туристам с булками в руках.

Потом был кофе, пара ломтиков хамона на завтрак, немного овечьего сыра и вина. Какие-то парки, скверы, музей Прадо и острые подбородки Эль Греко. Все, как один – гордые, морщинистые и похожие друг на друга, будто родственники. Потом наступила дневная жара, впрочем, быстро сменившаяся жарой вечерней. Как бы испанцы не были ленивы, сиеста – совершенно гениальное изобретение. Не

очень-то поработаешь, особенно руками, если температура под 40 градусов.

После сиесты был ужин и ленивая прогулка по центральным магазинам одежды. Или это были магазины надежды... ?

К 10 вечера воздух устал жарить мадридцев и благодарных гостей и смилостивился. Мы пришли по указанному адресу, там стоял серый кирпичный дом с кодовым замком. Мы уже было собирались развернуться и уйти, как заиграл Ди Сальри.

– Здесь можно потанцевать танго, милостивая синьора?

С милостивой я, конечно, немного загнул, но дверь открыли. А затем с нас взяли положенную в таких случаях плату и пустили в зал.

Мы заняли место на мягких диванах в зале и приготовились наслаждаться вечером. Тут меня окликнул сосед справа:

– Парень, ты бывал на корриде?

– Нет, синьор. Только завтра собираемся идти. Уже купили билеты.

– Сходи, сходи, – старик насупился и немного подался в мою сторону, – а хочешь, я расскажу тебе, что такое коррида?

– Конечно, за этим мы собственно и приехали в Мадрид. Ведь в Барселоне она запрещена.

– Тогда я расскажу тебе. Только будь умницей, принеси

мне немного вишнёвой настойки. Скажи в баре, что это для меня – тебе сразу дадут и даже скинут немного.

Когда я вернулся, казалось, старик спал. Как-то сидя, немного подавшись вперёд. Ещё ноздри так смешно раздувались, будто он позаимствовал их у кого-то другого.

– Синьор, так как было на корриде?

Мой собеседник проснулся, одним глотком осушил бокал...

– Представь, что ты на берегу океана. Тут недалеко, на маяке Фистерра, отличный океан. И пахнет, как океан, и выглядит так же. Так вот, представь, что рев трибун нарастает как океанская волна. Аплодисменты переходят в дикие крики одобрения или негодования. И обратно. И так всё время. Словно волны, их крики бьются о берег и затихают. Они называют это Оваси́он. Я хорошо помню его. – Мой собеседник углубился в воспоминания, как часто бывает со стариками. – Помню, он был двадцать четвёртым в мировом рейтинге. Так писал о нём El País: «20 к 28».

– Что это?

Он ухмыльнулся, но как-то недобро.

– Таково соотношение его возраста и количества ушей, символов победы. Его звали Клемент Дюбек, и он мечтал стать тореро с тех пор, как отец привёз его на первую корриду. Поговаривали, что ещё совсем юный Клемент застыл на месте, наблюдая действо на арене. И вот, спустя годы, он уже стоял на ней, как полноправный участник сражения. Тот

первый бык был крохотным, около 510 килограмм согласно официальному акту взвешивания. В этот вечер Guadaira, старейшая испанская ферма, смогла предоставить для боёв только пятерых быков. У шестого в последний момент заподозрили трихомоноз, поэтому администрация Las Ventas попросила замену на ферме de la Puerta y Castro... А тебе не сложно ещё раз сходить за настойкой? И себе возьми. Теперь моя очередь, я плачу, вот возьми деньги.

На стойке на меня покосились, но напиток налили.

– В тот вечер он хорошо помотал соперника. Нестерпимая боль молнией пронзала мышцы, переходила в мозг и словно колокольный звон отдавалась в висках. Он выбрал Al Encuentro – торжественную встречу равных соперников в самом центре площади смерти. Его глаза налились кровью, он понимал, что хоть и шанс умереть от рога стремится к нулю, карьерная смерть при таком исходе поединка ему обеспечена. Его карьера серьезно пошатнётся, от него отвернутся спонсоры, родные и близкие. Его больше не будут любить девушки, да и сам он потеряет веру. А тореро без веры – просто испанец. Он сделал слишком широкий шаг. И провалился. Упал на левую ногу. Шпага выпала из руки. Мгновение – и он повис на правом роге быка. Вот это было зрелище...

Мой собеседник на мгновение остановил взгляд где-то в пустоте, но продолжил:

– Бык использовал это секундное замешательство как знак свыше. Сейчас или никогда. Если не сделать выпад сей-

час и не поднять его не рог – сегодняшний бой может стать последним. Он мотнул головой вправо, как футбольный нападающий, стремясь обмануть защитника, потом резко сделал вираж мощными шейными мускулами и насадил торедора на левый рог сразу в районе печени. Перед глазами проплыли все годы тренировок, сотни измученных и раненых сородичей, которых приводили к нему на ферму, чтобы подлечить и отправить на новую битву. Он вспомнил отца и братьев, которые уехали в Мадрид и больше не вернулись. Всё его естество ликовало, он мстил за весь свой род. Каких-то три метра тореро болтался на роге, пока не подоспели его товарищи – бандерильеро. Они сняли героя с рога, и выпустили из боковых ворот трёх крупных дородных коров. Считается, что бык так возбуждён, что только вид нескольких самок может заставить его покинуть арену. Коровы проходят арену насквозь и уводят за собой быка. В тот день мне позволили уйти.

– Вам? – мои глаза расширились.

– Быку. Быку, конечно, что-то сегодня настойка крепковата. Кстати, может сходишь за новой рюмочкой?

Когда я вернулся, его не было.

На столе лежала афиша свежего завтрашнего боя. Завтра опять будут быки из de la Puerta y Castro.

Паб. Антверпен

– Знаешь, Миша, я когда бываю за границей... не реальности, а нашей страны, провожу почти всё время в барах. Вот у нас не так.

У нас бар – это такое место, где можно отхватить по почкам или проституток снять, в зависимости от поставленных целей. А в Европе бар – это место силы. В Украине таких баров почти что нет, разве что O'neills на Дерибасовской. В Европе они на каждом шагу.

Однажды я был в бельгийском Антверпене, на такой прогулочной улице, которая называется... да неважно, как она у них называется. Важно другое. Там сотня баров и ресторанов: аргентинские стейки, русские пельмени, индийские с запахом карри, норвежские, английские, французские, итальянские... Во многих из них сидят люди, в большинстве пусто – ещё бы, в 11 часов утра. Так вот, был у меня приятель в Бельгии, Лацис, кажется, его звали, он приехал из Латвии и работал в порту то ли стивидором, то ли начальником какой-то бригады. Он научил меня безошибочно отличать хорошие места для выпивки от плохих. Раньше я читал отзывы на форумах, сайты для путешественников, заходил в специальные места для туристов. «Всё это херня, Андрей», – сказал Лацис, – иди только туда, где есть люди. Не важно, сколько времени на часах, какой сегодня день и независимо

от целей твоего похода. Хоть пиво выпить, хоть виски глотнуть, хоть супа поесть».

И это правда, Миша. Если люди сидят – место хорошее, если людей нет – врут все эти форумы и чаты. С тех пор прошло уже лет 9, но совет Лациса меня ещё ни разу не подвел. С тех пор я бывал в сотнях баров и ресторанов по всей Европе и везде садился в самое забитое место. Конечно, совет не касается больших туристических тракторий в центре городской площади, там другая специфика. Учитывая, что моя – просто выпить и что-нибудь закусить, итальянские или французские заведения мне не подходят. Бесконечные итальянские семьи с орущими детьми, игрушки, которые так и норовят угодить тебе в суп, сотни, а может и тысячи китайцев, шумных, чавкающих и брызжущих едой в разные стороны, чопорные шведские и датские семьи, на старости лет открывающие для себя соседние страны. В таких местах хорошо посмотреть на людей, набраться персонажей для книг и сценариев, а вот заглянуть в себя там трудно.

То ли дело ирландский паб. Не английский, не шотландский и не местный. Наверное, существуют исландские пабы, но их я в жизни ещё не встречал. Вот ирландские действительно носят черный пояс по «пабовости», или звезду какого-нибудь специального гида.

Ирландские пабы – это особая атмосфера. Начнём с того, что ирландский паб безразмерный. Попробуй сам. Вот кажется, что все столики уже заняты, что мест нет, но ты под-

ходишь к официанту или администратору и оказывается (о чудо!), что есть ещё целый зал, который был закрыт, но теперь, раз пришел ещё один клиент – его обязательно откроют, и ты будешь сидеть там совсем один. Некоторое время. Ждать, пока несут заказ, и наслаждаться тишиной.

А потом зайдёт ещё пара путников, может это будут англичане (кстати, англичане всегда ходят в ирландские пабы – это ли не признак качества). И вот они пришли, а ты сидишь один в этом большом зале, куришь сигарету и ждёшь свой заказ. Но они не знают об этом. А видят только грустного одиночку, который разглядывает их, как валютных проститутток на херсонской трассе в далеком детстве. Они немного затихают, ведут себя вежливо и стараются не нарушить твоё одиночество, даже немного смущаясь.

Когда тебе приносят первую пинту Гиннеса, они тотчас узнают своего. Ценителя тёмного, терпкого на вкус и густого, как волосы у Насти Жуковской, напиток. Не спрашивай, откуда я знаю. И не перебивай.

Ты выпиваешь первый глоток, и все тревоги и невзгоды покидают тебя. И вот уже через пару минут, пока ты не успел окончательно передумать, тебе приносят еду. Жирную рульку или слегка прожаренный – чтобы в разрезе был почти розовым – стейк из молодого тельца. Первый Гиннесс уходит за пару минут, и ты заказываешь второй, третий. А потом, проверив наличность в кармане, продолжаешь пивом попросту, местным бельгийским или соседним голландским. Хотя

нет, о чём это я, совершенно ведь очевидно, что бельгийское пиво играет в лиге УЕФА, а голландское – в Лиге Европы.

И вот ты в принципе охмелел достаточно, чтобы отказаться от дальнейшей трапезы. Ты просто сидишь и наблюдаешь за людьми.

Поход в паб сродни измене. Ты ведь изменяешь и мыслями, и чувствами. Изменяешь не любимой женщине, но в этот момент ты почти готов всё бросить и сделать последний решительный шаг на пути к счастью, вырваться из сдерживающих оков.

Ты приехал в этот город в командировку или в отпуск. Приехал с друзьями, с коллегами или с женой. Но Паб не терпит женского общества – с ним он мгновенно превращается в итальянскую закусочную. Ты вальяжно раскидываешься на удобном кресле не из этого ужасно жесткого ротанга, а из нормального дерева и мягкой зеленой обивки. Ты размещаешь своё тело в гармонии стула, занимаешь удобную позицию для наблюдения и видишь будущее.

Ты видишь себя за соседним столом, на месте одного из британских подростков. Им по 20-22 года, они веселятся и шутят, скорее всего обсуждают женщин, которые им отказали. Ты представляешь, как будешь сидеть на этом месте со своим старым другом, когда вы оба достигнете финансового благополучия, достаточно для такой поездки. Вы оба построите дома, купите машины, вырастите детей и немного остынете от жен – достаточно, чтобы однажды сказать: «До-

рогая, мы с Сашей едем на четыре дня в Антверпен, или в Брюгге, или в румынский Бухарест. У Саши там небольшое дело по бизнесу, а я просто с ним за компанию. Нет, тебе с нами нельзя, мы будем очень заняты, и ребёнка не на кого оставить». Жена конечно поймёт, что к чему, но не подаст виду – её мать, твоя теща, научила что мужчине иногда (и гораздо чаще чем женщине) нужно расслабиться. Тем более, что он будет не один, а с Сашей, чей моральный облик не вызывает сомнений. Конечно, она знает, что вы будете на встречах не больше часа, а все остальные 23 часа минус перерыв на сон – надираться пивом и местным алкоголем. Но она не против. Лучше пусть так, чем сидеть дома на диване и смотреть тупые сериалы.

И вот ты видишь себя и друга, за соседним столом. Правда, вы не так молоды, как эти британские юнцы, и уже обсуждаете не тех девушек, которые вам отказали, а тех немногих, что согласились. Как с ними потерялась связь, а потом опять нашлась. Как пару лет назад ты встретил первую любовь на улице в Вене, случайно узнав лишь по подбородку из-под широкополой шляпы. Как она рассказала, что давно и счастливо живет тут с мужем – австрийцем, с которым познакомилась, приехав в отпуск. Что он прекрасный человек и любящий отец прекрасной дочки. Она немного смущена воспоминаниями, которые появились вместе с тобой. Она вспоминает, немного вульгарно, тот день, когда вы пошли гулять в парк, и ты думал, она хочет поцеловаться с тобой на скамей-

ке. А она отвела тебя в самый темный и пустой угол парка и разрешила поласкать себя там, не снимая одежды. Как резинка на её белье сдавливала и ограничивала движения твоей руки, но ты в принципе и не совершал каких-либо особенных действий, а просто делал всё, чтобы она тебя не остановила. А когда ты захотел большего, она резким, отточенным перед зеркалом движением остановила тебя, вскочила на ноги и скомандовала «Нам лучше вернуться». И с тех пор ты никак не мог понять, что пошло не так, на несколько лет остался смущенным и не знал, как правильно подступиться к этому вопросу с другими девушками. И вот, спустя 15 лет, она рассмеялась тебе в лицо и сказала: «Я думала, ты поймешь». И, как 15 лет назад, сообщила, что ей пора уходить, и она была рада видеть тебя и напоследок «Приедешь в Вену ещё – обязательно позвони». И ты опять остался в неведении, что же ты сделал не так, и когда наконец поумнееешь. Хотела ли она, чтобы ты пошел за ней, чтобы как в кино, развернул к себе и поцеловал? Скорее всего, да, но вот ты сидишь за тем же столиком, а её серый Пежо уже свернул на улицу и почти выехал на мост над Дунаем.

Друг многозначительно вздыхает и рассуждает о том, что потерянного не вернуть. Ты теперь счастливо женат, у тебя прекрасные дети, а ведь всё могло быть иначе. И вы оба соглашаетесь, что с такими сумасбродными бабами не стоит иметь дела и хорошо, что у вас ничего не вышло. Вы молчите, рисуя в уме картины альтернативной реальности в другой

семье, в другой стране, в другой жизни.

А потом ты смотришь на ту датскую (норвежскую?) пару слева. Им чуть за шестьдесят. Они мило держатся за руки и смотрят на рыночную площадь. Скорее всего, у них есть дети, но уже совсем взрослые и, возможно, живут в другой стране. Они прожили хорошую жизнь и много работали, а теперь пенсионная система и социализм делают их жизнь проще и позволяют пожить немного для себя. Ты представляешь себя и свою жену на их месте. Как вы будете вот так сидеть, но уже не в пабе, а во французском ресторане на мысе Де Антиб и обсуждать ошибки своих детей. Вы никогда не будете обсуждать свои ошибки или ошибки молодости, ведь тогда вам в голову ползут мысли, в глазах отразятся чувства и эмоции, а за ними – сомнения и страхи. Отразятся и сразу погаснут. Вы обсудите вкус салата и то, как ели такой же в Люксембурге в свадебном путешествии. Строго говоря, оно было «досвадебное», ведь после свадьбы вы несколько лет копили на квартиру и потом поехали в отпуск уже после рождения сына. Вы обсудите вкус стейка, вернее обсудишь только ты, ведь жене давно нельзя жирное и жареное. А она обсудит нежнейшую дораду, но не эту, а ту, которую вы вместе ели на набережной Порту в 2003-м. А эта, сегодняшняя, конечно, оставляет желать лучшего. Но что поделаешь, это французский ресторан, а не португальский. И ты вспомнишь, что надо платить очередной взнос за новый Вольво, действительно хорошая надежная машина, не зря стоит та-

ких денег. И вы будете смотреть друг на друга с благодарностью и трепетом. Благодарностью за прожитую жизнь, без тревог и потрясений, за дом и за сына, за стабильную работу и редкие, но приятные путешествия. И оба будете думать о том, что могло же быть по-другому. Что эта жизнь далека от той, которую вы представляли в юности, полной риска и веселья, денег и отчаянных поступков. Ваши мысли перенесутся в далекий датский или норвежский дом, где уютный свет ламп Эдисона над любимым креслом и где морозы и наледь за окном заставляют прогреть машину чуть не полчаса. Где вырос и впервые пошел ваш малыш, и где долго стояло фото родившейся, но погибшей от страшного СВСМ дочери. И как вы стали ходить в местную церковь, чтобы справиться с горем, а через несколько лет перестали. И эта жизнь, которая у вас получилась – словно пирог в духовке. Вкусная и сладкая, немного вредная, но точно лучше, чем у других.

Вы закажете десерт из взбитых сливок, быстро съедите его и отправитесь немного погулять. А потом закроете дверь в ванне отеля и разрыдаетесь горько и бессмысленно. Оба. Но поодиночке.

Ты закажешь ещё пиво, пожалуй, последнее этим вечером, и заметишь одинокую фигуру исполина в зелёной куртке. У него будут седые волосы в густой бороде. А на голове волос уже почти не будет. Смуглая кожа выдаст в нём итальянца, а красивые черты лица – архитектора. Он будет сидеть недвижимо сбоку за барной стойкой и смотреть на вхо-

дящих в паб людей. И ты узнаешь в нём себя. Не сегодняшнего, а себя из другой детской мечты. Себя, который чуть меньше пил и чуть больше работал. Себя, который не женился на любимой женщине, чтобы уделять больше внимания работе. Себя, который много трудился за гроши, рисовал чужие спальни и мечтал о своей, а потом стал работать на большую международную фирму и добился значимых успехов в архитекторе. Себя, который приехал в Бельгию, чтобы спроектировать новый мост. Не музей, не оперный театр, не захудалую филармонию, а мост. Не Бог весть какое достижение для архитектора, но это большой заказ для фирмы и тебе доверили эту миссию. Всего через полгода в каких-то ста метрах от паба будет стоять новое современное инженерное чудо, и возможно, лет через 70, он станет символом Антверпена и люди будут говорить: «Этот мост построил модный в свое время архитектор Себастиан Лабуа». Это тот Лабуа, что построил новую церковь из синего мрамора в Дюссельдорфе, это тот Лабуа, что перестраивал дом музыки в Барселоне и потом стал один из самых выдающихся архитекторов Италии. А сегодня он, Себастиан Лабуа, сидит с тобой, или ты сидишь с ним, в шумном пабе на городской площади Антверпена и он, в отличие от тебя, проклиная свою жалкую жизнь, в которой нет любимой женщины, детей, собственной квартиры (ведь всегда в разъездах) и друзей. В которой есть только отели, поезда, самолёты, строгие офисы и деловые костюмы. Жизнь, которая идёт ровно так, как молодой

Себастиан решил в свои 16, поступая в институт Ка-Фоскари на факультет архитектуры и дизайна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.